

Алекс Куртагич

ГЛУПОСТЬ СПОНСИРУЕМОГО РАЗВИТИЯ

Перевод Deep Roots

Оригинал: Alex Kurtagic, The Folly of White-Sponsored Development, опубликовано 29.04.2009 в Occidental Observer

Недавно я посмотрел серию документальных фильмов Би-би-си «Tribe» («Племя») (демонстрировалась в Соединенных Штатах под названием Going Tribal), которую в первый раз показывали с января 2005 по сентябрь 2007 года. В этой серии мистер Брюс Пэрри, бывший инструктор Королевской морской пехоты Великобритании, посещает племена аборигенов, живущие в глубинах Африки, Азии и Океании, и проводит с ними один месяц как участвующий наблюдатель. Идея состоит в том, чтобы жить вместе с членами этих племен и взаимодействовать с ними, принимать их обычаи, участвовать в их ритуалах – для того, чтобы понять их жизнь.

В серии мы видим, как мистер Пэрри ест что-то невообразимое, надевает на свой пенис сосуд из тыквы, позволяет сделать себе выворачивание пениса, принимает сильные галлюциногены и подвергается орнаментальному обезображиванию. Это крайняя форма этнографии, превращенная в массовое развлечение.

Серия была для меня особенно интересной по двум причинам. Во-первых, экспедиционная группа, состоящая из мистера Пэрри, мистера Марка Энстиса и местного вождя, в эпизоде «Cannibals and Crampons», где мистер Пэрри проводит один месяц у практикующих каннибалов, племени комбаи (Kombai) в лесах Западного Папуа, устанавливает первый контакт с племенем, о котором никогда прежде ничего не было известно, и которое никто пока еще не наблюдал. Мы получаем здесь возможность испытать, пусть даже косвенно, то, как люди, которые до сегодняшнего дня живут так же, как жили наши предки десятки тысяч лет назад, реагируют на встречу с тем, что в конечном эффекте является посещением высокоразвитых потомков из далекого будущего (далее об этом подробнее).



Мужчины племени комбаи в Новой Гвинее

Во-вторых, было возможно наблюдать очевидные параллели между теми манерами поведения, эмоциональными склонностями и стилями коммуникации, одежды и украшения тела, преобладавшими в доисторических общностях, которые были показаны в серии, и теми, которые характерны для их близких генетических родственников в современном, городском контексте развитого мира. На этом фоне отчетливо видно, что субкультуры, в особенности, негров-горожан в Америке являются не своеобразными реакциями на рабство и расизм в Америке, а просто по-новому сформулированными формами выражения желаний и чувств, корни которых лежат в далеком племенном прошлом.

То, что параллели достаточно эластичны, чтобы сохраниться через время и пространство и в радикально разных условиях среды, не представляет никакой неожиданности для антропологов, которые признают влияние генов на поведение людей. В действительности эти параллели были эффективно объяснены Дж. Филиппом Раштоном в его книге «Раса, эволюция, и поведение» (1995). В этом отношении, благодаря своей иллюстративной силе, сериал «Tribe» поучителен в том смысле, которого нельзя ожидать от антропологической статьи или статистической таблицы.

Среди африканских племен, показанных в сериале, мы видим особенное внимание к выставлению на показ своего статуса с помощью весьма заметных и экстремальных форм украшения тела, вроде тарелок, вставляемых в губы, украшений и рубцеваний. Мы видим тенденцию к прославлению насилия и к тому, что соседние племена остаются впутанными в постоянные кон-

фликты, в ходе которых происходят частые нападения и кровавое возмездие. Мы видим тенденцию к излишне подчеркнутому категорическому выражению в коммуникации, и в контрасте к этому мужской язык тела, к которому помимо способа ведения боя относится почти летаргическое, ленивое спокойствие.

Мы видим тенденцию предпринимать экстремальные изменения тела, чтобы представители другого пола признавали их желанными – в сочетании с относительно свободными эмоциональными связями. Наконец, мы видим тенденцию к тому, что жизнь, в основном, проходит в медленном темпе: помимо охоты за питанием (которая никогда не проводится в поспешности), долгие периоды ежедневного бездействия прерываются ритуальными представлениями, к которым относятся танцы и музыка, вокальная и с ударными инструментами) (этот медленный ритм жизни резко контрастирует с постоянной активностью ненцев, населяющих холодные земли в Азии, которые тоже показаны в сериале).

Эти признаки все еще можно найти среди чернокожих в западном городском контексте, где тарелки в губах, поддельные жемчужины и шрамы уступили место золотым зубным коронкам, обсыпанным бриллиантами золотым цепочкам и татуировкам; дорогостоящий традиционный костюм племени сменили шмотки денди; драки с палками у племени сури заменены музыкальными видеоклипами «гангстерского рэпа», коровы уступили место «Бентли»; кражи скота – разбоям и грабежу; лук и стрелы сменились пистолетами и автоматами «Узи»; война племен – войной между шайками; прыжки коров – концертами рэпа; полигамные охотники – игроками промискуитета; экзотические шаманы – экзальтированными проповедниками; ритуальные танцы и музыка в деревне – ритуальной музыкой и танцами в церкви.

Генетическое объяснение эластичности этих параллелей, вопреки столетиям географической и культурной изоляции в отчетливо различной окружающей среде, могло бы частично прояснить, почему доступ к богатству, инфраструктуре и технологии белых обществ не стер существующие свойственные поведению, познавательные и эмоциональные качества постколониальных чернокожих в Африке или коренным образом не изменил их. Скорее он усилил их проявление.

Из-за этого усиления социокультурные различия между чернокожими и белыми были выражены более четко. Было бы упрощением характеризовать этот процесс, вероятно, как постколониальный процесс, из-за которого черные популяции якобы стали более дисфункциональными. Майкл Левин, Ричард Линн и Дж. Филипп Раштон, которые писали с разных точек зрения, указали на то, что соответствующие поведению, познавательные и эмоцио-

нальные основные черты, которые в белых обществах иногда рассматриваются как дисфункциональные, собственно, являются нормальными для черных популяций.

Если эти авторы правы, тогда это дало бы мощный аргумент против эффективности, и, в действительности, против мудрости спонсируемых белыми проектов развития Африки южнее Сахары и других «отставших» по развитию частей мира. В действительности, насилие, голод, эпидемии и экономические провалы процветают и остаются свойственными данным местностям и спустя десятилетия после деколонизации и не смотря на постоянно растущие горы денег, которые бросают Черному Континенту – даже в таких ранее процветавших колониях как Родезия и Южная Африка.



Женщина племени сури в Эфиопии

Теории о развитии поддерживают веру в то, что Африка южнее Сахары при достаточных инвестициях и образовании может развиваться в нечто, соответствующее Западу, за исключением незначительных анатомических различий. По моему мнению, эти теории в высшей степени сомнительны.

Во-первых, они априори исходили из ошибочных предпосылок, вроде той идеи, что этот регион должен развиваться, и что это развитие в силу необходимости означает сближение с западными парадигмами, такими как капитализм, свободные рынки, демократия и прогресс.

Во-вторых, они обосновывают свой собственный провал, приписывая его несовершенному применению этих западных парадигм вместо того, чтобы увидеть бесцельность их введения вообще. Теории развития игнорируют то, что у местных народов в этом регионе есть ряд таких основных черт и способностей, которые в очень значительной степени отличаются от черт и способностей народов европейского происхождения.

Теории развития игнорируют также тот факт, что абстрактные философские программы, юридические отношения и технология и инфраструктура европейских обществ отражают желания и чувства народов европейского происхождения. Это потому, что признаки народов европейского происхождения, которые создавали у них предпосылки для этих феноменов, были реакциями приспособляемости к неповторимой комбинации условий их среды — условий, которые очень отличались от условий Африки южнее Сахары. Такие вещи как политические партии, банки, почтамты, чиновники и интегральные уравнения с частными производными никогда не существовали в африканском буше — и не имели причины существовать там — до момента их внедрения со стороны европейского колониализма.

Левацки настроенные фантасты критиковали колониализм с помощью сценариев, в которых инопланетяне, имеющие, как правило, уникальную биологию и происходящие из максимально прогрессивной цивилизации, прибывают на Землю и начинают захватывать планету, чтобы лишить ее естественных ресурсов. Если задуматься над тем, что европейские поселенцы девятнадцатого века были чрезвычайно прогрессивные по сравнению с бушменами, которых они встретили, и что эти поселенцы обладали познавательными способностями, технологиями и сокровищницей знаний, которые для побежденных ими народов были невообразимыми, неприменимыми и непонятными, кажется корректным провести здесь аналогию со сценариями фантастов о захвате Земли инопланетными пришельцами.

В этих сценариях сюжеты заканчиваются обычно либо триумфом, либо поражением завоевателей. Но представьте, тем не менее, что автор написал бы роман, в котором прогрессивные инопланетяне захватывают Землю, остаются на ней несколько столетий, а потом, по своим собственным причинам, принимают решение снова уйти, после того, как они построили общество, которое основывается на качествах, сильно отличающихся от наших собственных и в нескольких областях биологически далеко превосходящих. Я предпола-

гаю, что та часть романа, где будет рассказано о том, как инопланетяне стремились смягчить свои чувства вины, пытаясь сделать нас похожими на себя, вероятно, читалась бы точно как постколониальная история Африки южнее Сахары.

Хотя позиции мистера Пэрри, по-видимому, являются раздражающе либеральными, он, кажется, тем не менее, частично согласен с моим представлением, что программы развития в определенных частях мира – это глупость со стороны белого человека. В сериале он часто выражает надежду на то, что племена, с которыми он встречался, сами должны определять свою собственную судьбу, сами должны решать собственные проблемы, и (если они решатся на это), должны развивать свои общества своим собственным способом и в своем собственном темпе.

По моему мнению, с моральной точки зрения не предосудительно позволить обществам народов Африки южнее Сахары регрессировать, пока они не стабилизируются в более низкой экологической нише, если это означает, что у местных народов будут, наконец, общества, которые точнее соответствуют их потребностям, чувствам и способностям. Такие общества могли бы быть даже счастливее и стабильнее, чем общества, правильное функционирование которых требует ряда признаков, которых нет у населения, и которым это население могло бы подражать только с большими трудностями.

Говоря проще, в обществе, правильное функционирование которого основывается, например, на том, что люди достигают среднего интеллектуального коэффициента (IQ) 180, представляется невероятным, что оно было бы стабильным или счастливым, если бы живущие в нем люди достигали среднего интеллектуального коэффициента только 90. Это аргумент Ричарда Линна в «Eugenics: A Reassessment» (2001). Качество принятых решений не будет одним и тем же. То же самое справедливо и для каждого общества, правильное функционирование которого зависит от достаточного наличия очень редких или вообще не существующих признаков. Как коммунизм, такое общество было бы противоестественным.

Проблема с защитниками развития, естественно, состоит в том, что они при всех своих самоуверенных разговорах о толерантности и разнообразии обеспокоены, когда видят популяции с условиями жизни, которые сильно отличаются от их собственных. Это потому, что они опираются на оценочные величины, которые определены для того, чтобы измерять соответствие с их предпочитаемой частью западных ценностей, вместо того, чтобы определять их соотношение с ценностями самих этих популяций.

Тем не менее, не нужно ехать в Африку южнее Сахары, чтобы увидеть примеры того, как то, что мы гордо рассматриваем в качестве преимущества нашего общества, в другом обществе с пренебрежением отвергают: посмотрите на мусульманский мир в отношении внешнего вида женщин и сэндвичей с ветчиной. Функционирующее общество в Африке южнее Сахары потребовало бы, чтобы западные либералы были готовы принять такой стиль жизни в регионе, на который люди на Западе, вероятно, смотрели бы объятые ужасом и время от времени считали бы его в высшей степени тревожным и даже отталкивающим. Оно потребовало бы также мучительного периода перестройки, который повлек бы за собой много бедствий и закончился бы имплозией населения. Для современных западных умов это так же невообразимо как мысль, что деколонизация должна была бы во многих случаях сопровождаться определенной степенью деиндустриализации.

Голые каннибалы, которых мистер Пэрри и мистер Энстис впервые встретили в лесах Западной Папуа, наверняка были очень испуганы при одном виде европейского человека. Можно только предполагать, как оба участника экспедиции, полностью обмундированные высокотехнологической одеждой и оснащенные для путешественников и цифровым оборудованием, должны были выглядеть для лесных людей, которые никогда прежде не видели и даже не представляли себе ничего даже отдаленно похожего. Так как они – далекие доисторические родственники, наверное, для нас легче понять их, чем для них понять нас. И ввиду того, что лесные люди ходили пешком и полагались на каменные топоры, мистер Пэрри и мистер Энстис с таким же успехом могли бы прибыть к ним с другой планеты. Мистер Пэрри и мистер Энстис приняли правильное решение оставить аборигенов в покое и исчезнуть.

Несмотря на приведенные выше рассуждения, в этой дискуссии меня больше всего беспокоит воздействие, которое оказывают программы развития Африки южнее Сахары на белые общества. Во-первых: из-за того, что они основываются на фантазиях, эти программы развития еще больше ухудшили провал, и этот провал со своей стороны стал движущей силой для переселения людей из Третьего мира в европейские общества. Мало кто сомневается в том, что многие из тех возможностей, которые есть у нас на Западе, такие, как достаточное обеспечение питанием, горячие души, средства защиты от насекомых, болеутоляющие таблетки и быстрые транспортные средства будут привлекательны всюду и для каждого человека. Не понимая то, чего требует создание и сохранение таких возможностей в плане познавательных способностей, темперамента и образа жизни, «неразвитый» ум представляет себе Запад как Эльдorado, богатства которого можно грабить – рай изобилия, комфорта и досуга. Это крайне опасно, ввиду различий в численности населения и уровне рождаемости.

Во-вторых, и по ранее указанным причинам, я считаю разжигающий чувства вины, антибелый подтекст, который пронизывает кампании по развитию и по «борьбе с бедностью», опасным и оскорбляющим интеллект образованных людей. Не только потому, что идея развития ошибочна, а потому что развитие используется также как моральное оружие, чтобы собрать поддержку для якобы эгалитарной политической программы, которая стремится к подрыву европейских обществ. Является ли данная политическая программа утопической или же она была придумана злонамеренными заговорщиками, несущественно. Конечный итог ее – один и тот же.

В этом моменте нашей истории сокращающееся демографическое присутствие и преобладание узаконенных антибелых идеологий на Западе представляют собой значительную угрозу для существования народов европейского происхождения в мире, в котором они уже составляют маленькое меньшинство. Либо случайно, либо по заранее продуманному плану теории развития способствуют существующим негативным тенденциям.

Поэтому важно подвергать эти теории радикальной критике, которая принципиально ставит под сомнение предпосылки, лежащие в основе этих теорий. Так как эти предпосылки по своему характеру являются полностью западными, должно быть возможным критиковать их с использованием постколониального языка и теоретических рамок.

Другими словами, должно быть возможно привлечь на нашу сторону порождение наших противников и дать ему выйти на бой против тех, кто его породил. Наконец, я хотел бы своими глазами увидеть приливную волну критики против защитников развития Третьего мира, а не только полемическую компиляцию подпольной студии звукозаписи «Black Metal». Мы должны разработать наши собственные постколониальные теории и осуществить наш собственный марш по учреждениям.

«Tribe» – это только телесериал, но я полагаю, что в связи с рассмотренными здесь идеями у него есть образовательное значение, при условии, что его смотрят умно и с осторожностью. Ввиду огромного благосклонного согласия, которое мы испытали как реакцию на Bob Geldof Live 8 в 2005 году, кажется, с полным основанием можно предположить, что большинство западных людей поддерживают идею развития в Третьем мире. Тем не менее, только маленькое меньшинство западных людей хоть когда-нибудь были в Африке южнее Сахары, и внутри этого меньшинства только те, кто принадлежали к христианским миссиям, когда-нибудь встречались с бушменом в дикой природе.

Этот дефицит фактического опыта общения с африканцами помогает поддерживать среди людей Запада утешительный либеральный миф о том, что объекты их сочувствия тоже могут и должны, наконец, стать потребителями среднего класса, вроде их самих. В этом отношении зрение является первым шагом к пониманию, и сериал «Tribе» может стать первым шагом в правильном направлении.

Источник: <http://schwertasblog.wordpress.com/2010/08/30/die-torheit-der-von-weisen-gesponserten-entwicklung/>, опубликовано 30 августа 2010

Алекс Куртагич родился в 1970 году. Он – автор книги «Mister» (Iron Sky Publishing, 2009) и учредитель и директор студии звукозаписи Supernal Music.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).